

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ЛИЧНОСТЬ В ГОРИЗОНТЕ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО И ПЕРСОНАЛИСТСКОГО ВИДЕНИЯ

(рец. на монографию: Гребешев И.В. Метафизика личности в русской философии XX века. — М.: Издательство РУДН, 2008)

Ю.Б. Тихеев

Трудно спорить с утверждением, что тема личности является одной из важнейших для русской мысли. Еще В.В. Зеньковский в своей «Истории русской философии» отмечал, что философия в России была «больше всего занята темой о человеке, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории», потому-то она не теоцентрична, не космоцентрична, а антропоцентрична. Эти слова замечательного историка русской философии давно могли стать путеводными для многих последующих исследований, однако ввиду известных обстоятельств их осуществление стало возможным лишь в последние десятилетия. В.В. Зеньковский лишь наметил границы того, что теперь принято назвать русским персонализмом. Очевидно, что центром этого течения он (как, надо сказать, и другой классический в этой области автор — Н.О. Лосский) считал философию А.А. Козлова и Л.М. Лопатина. Но к тому же течению он причислял и таких несхожих мыслителей, как Н.К. Михайловский и Д.И. Писарев, с одной стороны, и Ф.М. Достоевский и Ю.Ф. Самарин, с другой. Это не противоречило общему замыслу — показать важность и многоликость присутствия темы личности в русской мысли. Многообещающее для философии в России начало XX в. лишней раз подтвердило тот факт, что разнообразие «дискурсов персональности» в русской мысли значительно и не связано с каким-либо определенным течением, группой или эпохой.

Название книги И.В. Гребешева связывает тему личности и метафизику. Это несколько сужает область исследования, но одно несомненно: метафизика, в том числе русская, являлась благодатной почвой для персоналистических воззрений. Тот же В.В. Зеньковский говорил об онтологизме русской мысли как о первой ее характеристике. Онтологию и метафизику принято, и не без основания, считать если и не совпадающими, то по крайней мере, очень близкими дисциплинами, а в России, когда речь заходит о метафизике, то, как правило, имеется в виду

метафизика всеединства. Тех же вполне традиционных взглядов придерживается и И.В. Гребешев, для которого русская метафизика выступает и как онтология, и как метафизика всеединства (напр., с. 43). Такого рода предварительные рассуждения вызывают вполне определенные ожидания. Смысловым стержнем исследования, как представляется, могла бы стать философия В.С. Соловьева, даже несмотря на то что жизнь этого философа не вписывается в обозначенные автором хронологические рамки. Что же касается основной его части, то она, вероятно, могла быть связана с именами тех философов, которые в XX в. так или иначе ассоциировали себя с учением В.С. Соловьева.

Обозначив собственные ожидания, обратимся к книге И.В. Гребешева и посмотрим, как выстраивает свое исследование ее автор. Основные персоналии, на которых строится исследование (В.С. Соловьев, Л.М. Лопатин, С.И. Гессен, С.Л. Франк, В.В. Зеньковский, Л.П. Карсавин, Н.А. Бердяев и Г.П. Федотов), принадлежат к разным течениям русской мысли, и это составляет интригу монографии. Автор берет на себя обязанность отыскать общие мотивы у этих русских философов, суммировав их под рубрикой «метафизики личности». Книга начинается с краткого обзора «персоналистических идей» в русской философии начиная фактически с ее истоков. Но, как справедливо отмечает автор, признаки «вполне определенного направления» персоналистическая тема обретает в России только на рубеже XIX—XX вв. Первая глава, собственно, и посвящена исследованию истории формирования этого направления вплоть до указанного рубежа. Не вызывает возражений и утверждение И.В. Гребешева о том, что значительное влияние на мысль русских персоналистов этого времени оказала немецкая философия, прежде всего «персонализм» Канта и Лейбница. Так, влиянием мысли Лейбница (через посредство Г. Лотце и Г. Тейхмюллера) было сформировано течение русской мысли, объединенное затем под именем «русского лейбницианства». Автор приводит традиционный список его адептов, среди которых, в частности, упоминаются А.А. Козлов, Е.А. Бобров и Л.М. Лопатин. Определение в качестве «персоналиста» (лейбницианского толка) Л.М. Лопатина приобретает особое значение, поскольку вся заключительная часть главы посвящена его полемике с В.С. Соловьевым, представленным, в свою очередь, в качестве «метафизика».

Можно согласиться с автором в том, что критика «декартовско-лейбницевакого спиритуализма» была сквозной темой в поздних произведениях В.С. Соловьева (кругом которых ограничено исследование). Но возникает вопрос: что представляла собой полемика В.С. Соловьева и Л.М. Лопатина? Полемику представителей двух различных типов персонализма или полемику двух антиподов: «метафизика» и «персоналиста»? Текст книги не дает в данном случае определенного ответа. В другом месте (С. 289 и далее) И.В. Гребешев поясняет, что личность, как она трактуется в русской метафизике, «всегда открыта онтологическим структурам высшего уровня». В этом случае личность даже «более чем полноценна»: она не «субстанциональна» и «самодостаточна», как в персоналистическом ее толковании, но нуждается «в другом, в конечном счете в другом Абсолютном». И потому, как можно понять автора, самостоятельность личностного бытия в метафизике

оказывается размытой в «мировым всеединстве», так же как, например, и в марксизме, где она растворена в «системе коллективистских отношений».

Вторая глава книги посвящена исследованию персоналистической темы в русском кантианстве. Большую часть главы занимает исследование «философско-педагогических идей» С.И. Гессена. Такое исследование, безусловно, призвано ликвидировать досадный пробел: труды С.И. Гессена периода эмиграции, до последнего времени почти неизвестные в России, внесли весомый вклад в развитие европейской педагогики XX в. И.В. Гребешев отмечает, что «существенное применение Гессеном принципов неокантианской методологии в собственной философии образования не имеет аналогов в мировой педагогической теории» (С. 81). Тем не менее во взглядах этого русского философа обнаруживаются пункты пересечения с поздней «метафизикой нравственности» В.С. Соловьева (С. 89—90). В частности, С.И. Гессен разделял идею об «укорененности личности в сверхличном», и это позволило ему разглядеть за соловьевским антиперсонализмом (! — Ю.Т.) ценный опыт метафизического «оправдания» личного начала в человеке.

Наряду с «философско-педагогическими идеями» С.И. Гессена в той же главе И.В. Гребешев исследует взгляды двух других представителей русской мысли: П.П. Блонского и М.М. Рубенштейна. Всех трех упомянутых здесь философов объединяет многое: они принадлежали к одному поколению, начинали как чистые философы и лишь со временем посвятили себя психолого-педагогической проблематике. Но есть в их судьбах и существенное различие: на долю С.И. Гессена выпала судьба эмигранта, а П.П. Блонский и М.М. Рубенштейн остались в России и со временем обрели статус классиков советской психологии. В значительной степени их эволюция в сторону педагогики и психологии была вынужденной; ввиду нарастающих идеологических запретов чистая философия в России оказалась под запретом. Труды их были уже в 1920—1930 гг. приведены к общему марксистскому знаменателю и не выделялись на общем фоне подобной литературы. Но, по убеждению И.В. Гребешева, принципиально важно понять, что речь может идти не о кантианской, марксистской или какой-либо иной педагогике, а том, что любая педагогика «философична уже по своей сути» (с. 102). Это убеждение в «философичности» педагогики и объединяет взгляды этих трех русских философов.

Третья глава книги, посвященная метафизике личности в религиозно-философской антропологии, основана на исследовании взглядов С.Л. Франка и В.В. Зеньковского. Так, автор полагает, что «персоналистический вектор становления нравственной философии С. Франка имел два важнейших источника: религиозно-философскую интерпретацию волюнтаризма Ницше и кантианскую этику долга» (С. 169). Только в конце жизни С.Л. Франк обратился к проблемам религиозной этики, в которой «целью нравственных усилий человека оказывается достижение богочеловеческого единства» (С. 173). Это во многом сближает его позицию опять же с поздней «нравственной философией» В.С. Соловьева. Таким образом, автору удается проследить эволюцию взглядов Л.С. Франка от «безрелигиозной морали долга» Канта и идеи сверхчеловека Ницше к христианским представи-

ям о человеке. Вызывает лишь сожаление, что при всей обстоятельности и убедительности выводов, представленных в данном месте автором, от его взора ускользнуло главное произведение Л.С. Франка, посвященное «философской психологии», — «Душа человека». Что же касается В.В. Зеньковского, то в этом случае И.В. Гребешев сосредоточивает внимание на его ранних психологических трудах. В частности, в книге подробно рассматриваются труды В.В. Зеньковского по психологии детства, которой русский философ придавал особое значение. В целом, как считает автор, взгляды В.В. Зеньковского вполне соответствуют общехристианской традиции: «человек не является самосущным началом», он испытывает потребность в бесконечности, «ищет бесконечность в Боге или самом себе». Даже в своих имеющих практическое значение педагогических трудах В.В. Зеньковский выступает прежде всего как религиозный мыслитель.

Четвертая глава посвящена персоналистической тематике русской историософии, как она представлена в творчестве Л.П. Карсавина, Н.А. Бердяева и Г.П. Федотова. Действительно, тема истории проходит красной нитью в творчестве всех перечисленных здесь русских мыслителей, а двое из них являлись к тому же профессиональными историками. Мысль Л.П. Карсавина представлена автором как полностью обретающаяся в русле традиции метафизики всеединства. Этот основополагающий факт предопределяет связь «карсавинской исторической модели человеческого всеединства» с соловьевской идеей богочеловеческого процесса (С. 271 и далее). Для метафизических воззрений Л.П. Карсавина, которые автор называет и «историософским персонализмом», и «персоналистической историософией», характерно особое внимание к проблемам методологии исторического познания. Ведь и историческая наука является «качествованием всеединого человечества», его «самосознанием» и «самопознанием» (С. 281). Наоборот, в своих представлениях о личности Н.А. Бердяев во многом выступает антиподом метафизики всеединства и, опять же, марксизма (С. 306), которые в представлении И.В. Гребешева, видимо, образуют устойчивую пару. В подтверждение такой позиции автор ссылается на мнение Н.А. Бердяева, согласно которому в европейской философии XIX в. возобладала «антиличностная тенденция». Реакцией на эту тенденцию стал экзистенциализм. К этому направлению мысли, без особых сомнений, можно отнести историософские и персоналистические воззрения самого Н.А. Бердяева. Автор справедливо замечает, что в бердяевской концепции «философии свободы» присутствует значительный момент «иррационализма» (С. 327). Это отличает его позицию от во многом сходной позиции Г.П. Федотова, гораздо более внимания уделяющего проблеме культурного строительства.

Подводя итог, можно лишь посоветовать, что при всех достоинствах исследования само понятие «метафизики личности» во многом осталось без четкого определения. При внимательном чтении книги И.В. Гребешева порой складывается парадоксальное впечатление: интеллектуальной основой русской «метафизики личности» зачастую была неметафизическая направленность мысли ее представителей. Это в той или иной степени можно отнести ко взглядам М.Л. Лопатина, С.И. Гессена, С.Л. Франка (первого периода) и Н.А. Бердяева. С другой стороны,

если «метафизика личности» в равной степени присутствовала не только в русской метафизике всеединства, но и в неокантианстве и экзистенциализме, сочетаемость которых с любой метафизикой выглядит по крайней мере проблематичной, то что же такое, в конце концов, она из себя представляет? Впрочем, это не портит общего впечатления от книги И.В. Гребешева. В целом она является весьма добротным обзором репертуара тем и персоналий, задействованных в русской философии личности конца XIX — первой половины XX в. Книга бесспорно принадлежит к числу немногих на сегодняшний день работ, которые служат прекрасным введением в общую проблематику русского персонализма и одновременно предоставляют читателю возможность подробно ознакомиться с некоторыми его разделами. К безусловным заслугам автора можно отнести то особенное внимание, которое он уделяет педагогическим идеям русского персонализма. Так, в первой главе есть раздел, посвященный проблеме воспитания в русской мысли XIX в., той же проблеме посвящена фактически целиком вторая глава, а значительная часть третьей главы отведена изложению психолого-педагогических взглядов В.В. Зеньковского.

Кроме того, книга И.В. Гребешева полезна и в том отношении, что дает представление о круге проблем и задач, с которыми может быть связана дальнейшая разработка темы метафизики личности в России. Вероятно, идеи, высказанные ее автором, найдут для себя как сторонников, так и противников. Но несомненно и другое: эта книга вызовет интерес у широкого круга историков русской философии.

**REVIEW FOR MONOGRAPH OF GREBESHEV I.V.
METAPHYSIC OF PERSON IN RUSSIAN PHILOSOPHY
OF XXTH CENTURY**

Y.B. Tiheev